

СВЕТЛЯЧОК

15.03.2016

№ 3 (60). Март 2016 года

• Поздние стихи

**Татьяна Михайлова,
Тверь**

Л.Н.

Она напишет женские стихи.
О позднем одиночестве напишет.
Ей осень зрелая в затылок
дышит,
И затхлостью попахивают мхи,

Что вечной зеленью пленять устали.
Нестройны спины пожилых берёз,
И, может, завтра первый же мороз
Не голубой огонь, а серой стали

Усталость высечет в её глазах.
И мы её стихи устанем тоже
Читать. В них не мороз щекочет кожу –
В них проникает в поры пошлый страх.

Ах, некогда любимый мчится мимо
Её парализованной души.
Ах, как воспоминанья хороши,
А время... время так неумолимо.

Да, облетает яблоневый цвет
С нас всех быстрее, чем моргнуть успеем.
Не потому ли спину гнём и сеем
То, что в плодах прекрасно много лет?!

Любовь неразделённая светла.
Любовь ушедшая достойна тоже.
И всё ж мороз в стихах полезней коже,
Чем временем размытая зола.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**

Напиши-ка, слышишь, песню. Напиши,
Запершись в своей гадюкинской глуши.
Ты сложи мне для души, не для наград,
Даже если будут рифмы невпопад.
Скрип морозный под ногами опиши,
А ещё, как были розы хороши.
Летний вечер под оранжевый закат,
Дождь желаний – в тёмном небе звездопад.
И дождевики, как слезинки, будут пусть.
Этой песней я свою развею грусть.
Лёгкий ветер – струн негромкий перебор,
За околицей неспешный разговор –
Словно хмель для романтической души,
Напиши об этом песню. Напиши,

Как с рассветом умываешься росой,
И тяжёлою орудуешь косой.
Как корову в поле гонишь поутру –
Русской бабе всё по силе, по нутру.
И за плугом, и (чего там!) с колуном,
А плясать – так половицы ходуном.
И стаканчик, да под песню о купце
Миловать чужого мужа на крыльце...
Но об этом ты, пожалуй, не пиши.
Пусть уж лучше будут розы хороши.

Татьяна Ланко,

В. Луки – Андреаполь

* * *

В вазе поникшая роза,
Мощный её стебелёк
Усох у окна. Это что же?
Бессмертия час недалёк?
Гляжу на увядшую розу,
Ей времени меньше, чем мне
Осталось по чьим-то прогнозам
Взгляды ловить на окне.
Она ещё в форме, при вазе,
Как многие – при шипах,
Из клумбы попавшие разом
В дом, что при цепких руках.
Ещё не потеряна статность,
И стоек цветка стебелёк,
Но мне предстоит неприятность
Выбросить этот цветок.

Маргарита Петрова,

Андреаполь

ТЕТ-А-ТЕТ

Судьба на каверзы охоча.
Скрывал лет двадцать секретер
Конверт, где мой небрежный почерк
Мог выказать твой адюльтер.

Зачем берёг письмо так долго,
Что в нём? Пустая болтовня.
Мол, холоднее стала Волга,
Как ты уехал от меня.

Цветок сухой. Какая пошлость...
Слов мало, радость – между строк.
Хранил, забыв про осторожность,
Ты столько лет простой листок?!

Судьбою взятый на поруки,
Мой давний собственный секрет
Нечаянно попал мне в руки,
Духами пахнет «Тет - а - тет».

• Для дам – романсы
Сергей Осипов,
Торопец

Этого автора мы публикуем впервые. Наши земляки могли слышать, как он читал свои стихи в Андреаполе на Дне города.

Кроме того, он пишет романсы: музыку к текстам романсов Сергей тоже сочиняет сам.

* * *

Когда-нибудь, в осенний день,
 Я вспомню этот летний вечер,
 Уже отцвёвшую сирень,
 Твои волнующие плечи.

И теплоту девичьих губ,
 И очень робкие объятия,
 Касанье нежных твоих губ,
 Я называл всё это – счастье.

Когда-нибудь во тьме ночной
 Я вспомню летние рассветы.
 Я их встречал тогда с тобой,
 А ночь хранила все секреты.

И страсть, и нежность, и порыв,
 И наплывавшую усталость...
 То вдруг мольбу, то вдруг призыв,
 Нет, ничего уж не осталось.

Когда-нибудь на склоне лет,
 Я вспомню юности мгновенья,
 Нас освещавший, лунный свет
 Казаться будет наваждением.

И твои юные черты,
 Прекрасной самой в этом мире,
 Проступят вдруг из темноты
 И оживут в моей квартире.

* * *

Какая ночь, какие губы жадные,
 Какой порыв распущенных страстей.
 Луна плывёт, бросая тени грязные,
 Ах, всё равно, ты будешь лишь моей.

Ночь обняла своей рукою властною,
 Соединила нас во тьме с тобой.
 На ласку я отвечу только ласкою
 И восторгаюсь лишь тобой одной.

Погасли свечи, выпито шампанское
 И свет луны не падает в окно,
 Пил за твои в ночи глаза цыганские
 И от тебя мне нужно лишь одно.

Но ночь уйдёт назад и не воротится,
 Где табор твой, и где его искать,
 Мне расставаться так с тобой не хочется,
 Но лишь осталось сотенную дать...

* * *

Я помню было, будто бы, ненастье,
 Плыла по небу бледная луна,
 В ту пору был я переполнен счастьем
 И думал – так и будет навсегда.

Не знал тогда, что ты уж жизнью бита,
 И для тебя я – просто ремесло.
 Персидской шалью ты была укрыта,
 А на руке – испанское кольцо.

Ах, как я был наивен и безгрешен,
 Чертог любви построил я себе.
 Прошёл угар цыганских пьяных песен,
 Осталась горечь лишь в моей душе.

И для меня ты, как исчадь ада,
 Разбив мечты, мгновеньем пронеслась,
 В немом молчанье дремлющего сада,
 В душе моей струной оборвалась.

Я ждал её, но ангел не безгрешен,
 Она ушла в порочный дальний путь,
 Я загасил в душе огарок свечный,
 Того, что было, больше не вернуть.

Я знаю, что она ещё вернётся
 И будет плакать, что-то говоря...
 Напрасно всё, во мне уж не проснётся
 Свечой горевшая лишь к ней любовь моя.

Погибло всё морозной, зимней ночью,
 Потух очаг и вместе с ним любовь.
 И поцелуй её, пускай предельно сочный,
 Уж не зажжёт, как раньше, в жилах кровь.

• Хранится в памяти

ЛЮБА И ЛЮБОВЬ

В 1954 году я окончил специальное ремесленное училище. Специальное потому, что брали в него детей-сирот, у которых отцы погибли на войне. А в основном туда попадали ребята из таких же специальных детских домов. Кормили там хорошо, что в ту пору важно было. Но настало время с ним прощаться. Как раз началось освоение целины. Училище наше было комсомольское, поэтому мы решили написать заявление об отправке на целинные земли. Даже газеты местные о нас писали. Но просьба осталась без ответа, и расформировали нас, кого куда.

Я вернулся в родное село, где устроился в леспромхоз. Два года отработал лебёдчиком, а тут и повестка в армию пришла. Два армейских года пролетели мгновенно. И вновь я в леспромхозе. Но меня манила целина. А на улице – зима. Но это не смущало, я решил ехать. От холодной зимы не спрячешься. Правда, я поступил в училище механизации, чем и спасся.

Пришло лето – и жизнь пошла припеваючи. Окончили школу механизации. И вот я живу по адресу: Целиноградская область, Алексеевский район, посёлок Новорыбинский. Возил на тракторе корма на ферму, зимой – в мастерских, и даже кочегаром в бане пришлось работать. Словом, был первым – куда пошлют.

Дружок у меня появился – Славка Кононенко. Слава никогда не говорил мне, что у него есть сестра. Но однажды захожу к нему на кухню, а там девушка. Ростом чуть ниже меня, на плечи падают русые волосы. По телу прошла какая-то непонятная дрожь. Не стану себя хвалить, но что было, то было: в молодости я был очень красив – черноволосый, кучерявый. Но понимал, что ей вряд ли под стать. Куда мне до неё? Я мазаный тракторист, а она студентка педагогического института, без шести месяцев преподаватель.

Нас пригласили к столу, отведать украинского борща. С борщом мы быстро управились. Я поблагодарил хозяйку и направился к выходу. Но Галка, так звали сестру Славы, не растерялась, предложила всем вместе пойти на озеро купаться. Мы, конечно, не отказались.

Мы с другом быстро разделись и – раздайся море, как говорится. Когда начала раздеваться Галочка, я просто онемел и понял, что окончательно влюблённый. Так мы стали встречаться. На танцы вместе, с танцев – вместе. Я понял, как она тянулась ко мне. Был и первый поцелуй, после которого показалось, что я не на своих ногах стою. Была и первая волшебная ночь перед Галиным отъездом в Ивано-Франковск. Не устояли. Мы так боялись разлуки. И дали клятву – не разлучаться.

Когда мы со Славкой проводили Галю, я отправился в общежитие. Воспоминания обрушились на меня, казалось, что жизнь без Гали остановилась. В клуб я больше не ходил, после работы шел домой, падал на кровать и вспоминал, вспоминал. Как мы пели с ней, танцевали под мелодию «Серебристая гитара». Тогда я ей сказал: «Вдруг жизнь разлучит нас, вспоминай под эту мелодию о нашей встрече, где бы её ни услышала».

Я написал ей письмо. Ответа не было. Писал ещё и ещё. Бесполезно. Я её не стою, думалось мне. Я потерял надежду полностью и смирился со своей судьбой. А тут ещё напарник мой масла в огонь подливает: «Ну что ты голову повесил? Конечно она там не одна. Давай я тебя с хорошей девкой познакомлю, землячка моей Нинки». И познакомились. Люба не была из красавиц, но вполне симпатичная. Галя не писала, а встречи с Любой продолжались. Время шло. И я решил посвататься. Пригласил знакомого старичка, Колю-гармониста и отправились в сваты. Заодно как бы и свадьбу справили.

И пошла наша жизнь своим чередом. Не было ни горя, ни счастья. Люба оказалась большой чистюлей. А скорым временем она забеременела. Но вот однажды пришло письмо, Люба сама мне его подала. Открыл конверт, а там: «Здравствуй, дорогой мой человек.

(продолжение на стр.4)

(начало на стр.3)

Я приехала в институт, а там пачка писем твоих. Нас отправляли на уборку урожая. С утра до ночи ломали початки кукурузы. Домой приходим и без всякого ужина валимся на кровать. Всё старались как можно больше заработать. Представь себе, как деньги нужны студентам. Милый Юрочка, обещаю регулярно писать».

А теперь представьте себе, что со мной творилось, как кол осиновый кто в сердце вогнал. Вся домашняя обстановка сменилась. Бросить Любу беременную – преступление. Она ведь сирота войны, как и я. В чём же её вина? Хотя позже она призналась, что тоже ждала парня из армии. Ох, и ругал её, почему мне раньше не сказала об этом. Она тихо ответила: «Чтобы не ранить твоё сердце».

Написал Гале всё, как есть. И она меня поняла, прислала последнее письмо, а вместе с ним открыточку с маленькой девочкой. На обороте написала: «Желаю счастья, и пусть родится в вашей семье такая Наташа».

Я не находил себе места, Люба всё видела, что со мной творилось. Она, бывало, хочет ко мне прижаться, а меня это раздражает. Всё расстроено, как старая балалайка. И выхода я не видел. Уйти из жизни я не решался, мне всего-то от роду 24 года.

Всё-таки я решился уехать. Попросил у Любы прощения и покинул её. Она мне перед этим говорила: «Если ты меня бросишь, я что-нибудь с собой сделаю. Знай, что загубишь две души». К Гале сразу ехать тоже не решился, не был я готов к этой встрече. Думал, поеду домой, устроюсь на работу, а потом в один из выходных вернусь к Гале.

Но на работу я не устроился, не так-то просто было найти её в те годы в нашем Закарпатье. Идти в колхоз не было смысла, какие там заработки. Остался я один у разбитого корыта. Галя не выходила из головы, но то и дело ловил себя на мыслях о Любе. Переживал, как она там? Написал ей письмо, а она мне вернула фотографии из моего альбома с припиской: «На, сволочь, свои фотографии и больше мне в душу не лезь!».

Это стало новым ударом мне в спину. Ловил себя на том, что уже больше тревожусь о Любе, чем о Гале. Ведь мы не были расписаны, а животик рос. Выходит, без мужа ребёнка нажила. Даже матери на глаза не показаться. Как деревенские будут судачить! Что же я наделал, обесчестил девушку, которую упрекнуть было абсолютно не в чем. Позвонить ей? Но как? Единственный телефон на селе – на почте, но какой разговор прилюдно. Опять решился отправить ей письмо: «Не вздумай что-либо с собой сделать. Я обязательно вернусь, вот только денег на дорогу заработаю. Эх, если бы ты могла приехать в мои края, я обещаю, что такого никогда не повторится. К чёрту всё, и заживём по-человечески».

Ответ пришёл скоро, в телеграмме от Любы сообщалось: «Я приеду, встречай». Встречаю. Прибыл поезд. Вот и Люба показала. Я обрадовался ей, как солнцу: «Спасибо тебе, что сохранила ребёнка».

Дорога до дома была долгой. Всю ночь мы провели на вокзале, а наутро пошли ловить попутную машину, автобусы в те времена ходили очень редко. С попуткой нам повезло, до распутья нас подвезла. А дальше двинулись пешком, девять километров было до родного села Водица.

Судите меня, как хотите, как на духу вам всё выкладываю. Что со мной стало твориться, но я за дорогу понял, что не люблю Любу, хоть убей меня. На душе так было тяжело, но виду я не подал.

Переступили порог дома: «Знакомься, мама, это и есть Люба». Мама показала светлицу, вторую половину хаты: «Вот здесь будете жить».

Когда Люба показала себя, как есть, все женщины были от неё в восторге: хоть в грабли, хоть в косу, хоть за тяпку – со всем справлялась. Таких у нас на селе уважали. Ко двору пришла Любаша. Ну а я уехал с бригадой на заработки в Харьковскую область – строить фермы. На работе повеселело: кто анекдот расскажет, кто шутку-прибаутку, да всякую всячину. Домой не тянуло. Но тут письмо от мамы: «Юра, приезжай срочно домой и честно распишись с Любой, я не могу смотреть, как она мне углы оплакивает». Что было делать? В воскресенье потопали в сельсовет, где моя двоюродная сестра Маруся работала секретарём.

(продолжение на стр.5)

(начало на стр.3-стр.4)

Шёл, как на допрос. Шлёпнула сестра штамп на нужной странице со словами: «Это тебе, братец, от меня подарок. Если ты потеряешь Любу, то такой другой не найдёшь. Благодарю Бога за судьбу». Эх, Маруся, Маруся, не знаешь ты, что в моей душе тогда делалось.

Со временем стал я Галю забывать. Снова уехал в заработки до поздней осени. Без Любы я скучал, а рядом с ней быть не мог. Думаю, что она это замечала, но ничего не говорила. Не нравилось ей только, что работа моя сезонная. Стала она меня уговаривать к маме переехать. Ребёночка ей показать. И вот с 1963 года мы в Андреаполе. Пожили у её брата Николая, а потом к маме в деревню, на смотрины. Настала пора меня глядеть. В то время ещё держались в деревне мужики, совхоз работал.

А я всё мучился, как полюбить Любу. Даже на колени вставал и у Бога просил любовь к ней послать. Она ведь неплохая, уговаривал себя. Присмотрись к ней. Работяга, чистюля. И в ней самой всё хорошо. Мне другие мужики, знаю, завидовали. Но любовь не приходила. Я просто отживал свой век. Опять наладился уехать. Теперь уже под Ленинград, работать в один из совхозов. Любу уговорил отпустить меня, мол, подзаработать. Уже в дороге заметался, надумал вместо Ленинграда опять к своим ребятам в Харьков махнуть. И развернулся вместо северного направления на юг.

Но отъехал недалеко, до соседнего Торопца. Сижу в поезде, а перед глазами мальчик мой через порог ползёт, гукает. Ругаю самого себя:

– Сволочь, от кого ты уезжаешь?! Вернись.

И вернулся в Андреаполь. Как ни в чём не бывало, явился к брату её Николаю. Нашёл себе работу, потом и Люба приехала. А как очередь сыночку в сад подошла, и его от тещи из деревни забрали. Жизнь помаленьку налаживаться стала. А любовь, ну что ж – не было её. Но зато я чист перед своими детьми. И пред Богом я свою земную миссию выполнил.

Нет уже на этом свете Любы. Но я не женился больше, не встретил свою. Занимаюсь кое-чем по дому, люблю читать, музыку сочиняю на стихи местных поэтов. Телевизор смотрю редко. Больше радио слушаю. И живёт где-то глубоко мысль: а вдруг кто-то закажет по заявке танго «Серебристая гитара». Или «Серебристые гитары»? Точно не помню.

**Юрий Мотря,
Андреаполь**

• Непридуманнные истории

НЕ РАСТУТ ЦВЕТЫ

У Виктора, как принято говорить о деловых и умелых людях, были золотые руки. У него все получалось, за что ни брался. На лесовозе, которым управлял не один десяток лет, добивался только рекордной выработки. Дома, как говорится в народе, все было колечком. Он не терпел ни одного штриха распушенности и неряшливости. К каждому делу у него лежала душа.

Единственное, чего Виктор терпеть не мог, это цветы. Казалось бы, как можно не любить такие нежные цветущие растения, однако вот не любил. Перед смертью наказывал жене: «Я всю жизнь так тяжело работал, поэтому цветы ни на могилу, ни у гроба мне не клади». Последняя воля покойного была исполнена.

Но прошли годы, и Алла все же захотела украсить могилы дорогих ее сердцу людей – мужа, деверя и свекрови – цветами. Посчитала, что теперь уже можно. Однако к ее большому удивлению, именно на могиле мужа, они не взошли. Хотя на других могилах цветы просто благоухали. Неслучайно говорят, что души усопших существуют, и они способны влиять на жизнь людей.

**Галина Ермолаева,
Андреаполь**

МЫ ЕДЕМ ПО ИТАЛИИ

*Мы едем по Италии
на новеньком авто.
Пейзаж украшен пальмами
и сдобен, как батон.
И я рулю, как профи.
И мы – рука в руке.
И итальянский кофе
горчит на языке.*

*Мы едем по Италии.
Куда ни кинешь взгляд,
руины свои тайны
заботливо хранят.
И голубеют выси,
и море, как стекло,
и кубиками высыпаны
домики на склоне.*

*Вот городок заштатный,
и стелется над ним
от жареных каштанов
чуть горьковатый дым.
Нарядные витрины,
а рядом, под стеной,
опавших мандаринов
оранжевый прибой.*

*Цветущие азалии.
Гниющий виноград.
Мы едем по Италии
десятый день подряд.
Затихли комментарии,
не вертим головой.*

*Мы едем по Италии,
по солнечной Италии,
по красочной Италии.
Мы едем по Италии –
до горечи чуждой.*

• Путешествия

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАНИКУЛЫ

Что видит человек, едущий в другую страну по туристической путёвке? Аэропорт, гостиницу, знакомые по открыткам и «Клубу кинопутешествий» местные достопримечательности, гостиницу, аэропорт. Один-два города, три-четыре музея, десяток магазинов и сувенирных лавочек. Всё.

Чего хотели, собираясь в Италию, мы? Несколько другого. Мы хотели увидеть Италию всю, целиком. Потрогать её. Почувствовать её вкус. Повидать не только знакомые ещё по школьным учебникам места, но и взглянуть на глубинку страны, на её изнанку. Увидеть Италию не только туристическую, «открыточную», но и Италию будничную, повседневную, провинциальную. Поэтому все туристические агентства были отмечены с порога, а средством передвижения был выбран автомобиль.

Удалось ли задуманное? Пожалуй, да. За две недели путешествия нам удалось пересечь Италию с запада на восток и с севера на юг. Пройдены 4000 километров самых разных итальянских дорог. Автострады и региональные трассы. Провинциальные дороги и просёлки. Флоренция, Пиза, Курмайор, Венеция, Сан-Марино, Рим, Ватикан, Везувий, Геркуланум, Этна, Сицилия, Сиракузы. Все пять омывающих «итальянский сапожок» морей. Горы, реки, долины. Сады и поля. Города, посёлки, деревни. Хижины и дворцы.

Что больше всего впечатлило, поразило? Наверное, две вещи.

Первое. Это наглядный, просто-таки осязаемый овеянный труд сотен поколений людей. Он повсюду. Он вездесущ. Он взбирается разноцветными кубиками домов на каждый склон, он увенчивает старинной крепостью каждую гору, он перекидывается арками мостов через каждое ущелье. Он сдавливая тебя в городах каменными стенами узких улочек. Он взрывает ажурными громадами соборов пространство площадей. Поражает обилие и разнообразие этого труда. Его вековая кропотливая целеустремлённость и его дерзновенный размах.

И второе. Это несопадающие ни по ожиданиям, ни по представлениям повсеместная теснота и скученность, лезущая из всех щелей нищета и грязь, запущенность и замусоренность всего и вся. Особенно заметные и вопиющие на фоне первого пункта. Временами нам казалось, что люди, живущие сейчас в этой стране, это люди совсем другие, пришлые, никоим образом не связанные с теми инженерами и архитекторами, строителями и живописцами, воплотившими в окружающем свою мечту о прекрасном, свою веру в божественное предназначение человека. Те люди давно ушли. А на их место пришли иные – мелочные, жадные, неопрятные, подловатые. Ну не может быть последователем Микеланджело или Леонардо да Винчи вон тот безвкусно и неряшливо одетый человек, оставивший свой мусорный пакет прямо под стенкой дома! Не могут быть обитатели облезлой халупы, небрежно залатавшие свою крышу коробкой из-под телевизора, потомками людей, воздвигших собор Святого Петра!..

Понравилось ли путешествие? Да, безусловно! Да! Да!!

Хочется ли вернуться? Повторить пройденное, увидеть неувиденное? М-м... Пожалуй, нет. Во всяком случае, не сейчас. Не в ближайшее время.

И напоследок. Именно такие поездки заставляют вспомнить и по-новому осознать очень старую и хорошо избитую истину. В гостях, конечно, хорошо. Иногда просто очень хорошо. До поросычьего визга хорошо! Но дома всё-таки лучше.

**Утомлённые Италией
Алла и Владимир Юриновы**

• Каблуковцы

Валерий Савостьянов,**Тула**

Его книга «Русский крест» стала на сегодняшний день первой по просмотрам на сайте «Волошинский сентябрь». По популярности она обошла книги всех лауреатов и награждённых, всех номинантов «Волошинской премии».

РУССКИЕ ГРАБЛИ*Добро должно быть с кулаками...***Станислав Куняев**

Когда сыновья вырастают,
Им хочется точки расставить
Над всеми запретными «и» –
Любви, государства, семьи.

Когда сыновья вырастают,
Они в облаках не витают,
Считая:
В победе над злом
Важней не молитва –
А лом!

И жалкие наши уроки:
Сядь прямо и спину не горбь! –
В которых так мало о Боге,
Лишь множат Вселенскую скорбь.

Веками своими руками
Мы русские грабли куём:
Всё учим добру – с кулаками,
И зло накликаем – с дубьём...

ГОРОД СОЛНЦА

Вы не пойте русским Лазаря,
Заплутавшим в трёх соснах –
Город Солнца, чашей лазая,
Возвели мы только в снах.

И стоит он, как ворованный –
Запада Троянский Дар –
Там, где берег зачарованный,
«Очарованная даль», –

Возвеличенный печалью
Беспросветных мрачных лет!..

И, обманутые чарами,
Мы теряем русский след...

РУССКОМУ НАРОДУ

Ты прощаешь вождам гуттаперчивость –
Вновь обманутый, смотришь им в рот.
За наивность свою, за доверчивость
Ты страдаешь, мой русский народ.

И, кляня твою душу холопскую,
Проповедник решительных мер,
То тебе террористку Перовскую,
То Дубровского ставит в пример

Славит он твои песни разбойные,
Огорчён, что навеки учён,
Всем сраженьям гражданским –
Футбольные
Ты разумно теперь предпочёл.

Что ты буйную клонишь головушку,
В Диком Поле не видя орды,
Что теперь свою русскую кровушку
Ты не льёшь, как ушаты воды...

Что ж – прости ему злобу обидную,
Осени его, беса, крестом:
Облаков не разгонишь дубиной,
Дураков не исправишь кнутом.

Но свободные духом – свободные!
И спасёт нас, я верю, от бед
Послушание богоугодное
И святого терпенья обет.

Собирай же ты силушку русскую, –
Тебе молвлено дважды: внимли! –
Стал Чернобыль второю Тунгускою,
Предрекающей гибель Земли.

Сбереги ж перед главною битвою
Каждый голос, предвидя беду, –
Чтобы встретить нам общей молитвою
Апокалипсиса звезду.

РУССКИЙ КРЕСТ

Закончится эпоха неоНЭПа,
Поскольку всё кончается в свой срок –
Поступит вновь по-варварски свирепо
Россия с нагулявшими жирок,
С дерзнувшими забыть её уроки,
Купить её,
Понять её умом...

Сбежав от кары, лживые пророки
Затёртым заклеят её клеймом.
Ей вновь припишут пепел инквизиций,
Ей Грозного припомнят и Петра –
Мол, с общечеловеческих позиций
Позиция России не мудра.

Помилуйте: да в рай она бы рада –
Шинельку сбросить, снять бы сапоги!
Но, ослеплённый, брат встаёт на брата,
И радуются алчные враги.

Глаза в глаза – нахрапистому джину,
Глаза в глаза – лукавым колдунам.
Пора понять: России – не до жиру,
Что означает: не до жиру – нам!
И справедливо это, хоть жестоко,
Гордыню сыновей своих смирять,
Коль Русский Крест –
Меж молотом Востока
И наковальной Запада
Стоять!

• Погрустим

**Игорь Столяров,
Нелидово**

Отыграв цветными снами,
Загрустив о настоящем,
Тихо бродит меж домами
Ветер в кителе шуршащем.
Партизанит в подворотнях,
На ходу меняет лица...
Отчего же в ночь сегодня,
Как и мне, ему не спится, –
Будто он разбужен тоже
Тридцать пятою весною?
Ею город растревожен,
Как неожиданною войною:
Вот шеренги строгих улиц
Вдаль усталились куда-то
И домов ряды сомкнулись
В грязно-белых маскхалатах...
– Что же, столько звезд навесив
На шуршащий темный китель,
Нынче ходишь ты невесел,
Полуночный мой воитель?
День-прожектор будет светел
В блеске солнечно-искрящем,
А пока – побродим, ветер,
Погрустим о настоящем!..

**Людмила Леоненкова,
Белый**

Перемело с утра дорожку –
Носилась с вечера метель,
Стучала бешено в окошко,
Ломилась в запертую дверь.
Как словно бы впустить просила
И дать погреться у огня.
Когда же дверь я не открыла,
Умчалась, злобно хохоча.
Потом всю ночь в трубе рыдала,
Печной задвижкой гремя,
И воем жалобным пугала,
И укоряя, и моля.
Под утро всё ж угомонилась,
Костры сугробов разожгла.
И в дом мой больше не просилась,
Заснув у белого огня.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**

Метался ветер, как чумной,
круша надежды.
С дерев озябших, разозлясь,
срывал одежды.
Багряно-золотой парчи
летели клочья.
Тому, кто звал меня в ночи
не смел помочь я.
Решил, завёрнутый в покой,
что-то кто-то свыше

Ему поможет и на зов
чужой не вышел.
Кружится ветер, как чумной
круша надежды.
С дерев озябших, разозлясь,
он рвёт одежды.
Вот позовут меня опять.
Уже не струшу.
Но нет желающих стучать
в глухую душу.

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

День занимался пасмурный,
Поэтому запаздывал,
Как будто простынь грязную
Убрать кто позабыл.
Прохожие шли разные,
спросонок несуразные,
всё больше озабоченных,
да изредка — жлобы.
В конце концов прояснело,
Погода стала классною,
И все заулыбались.
И встрепенулись сонные,
Встряхнулись забубённые,
Жлобы же рассосались.

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

Шурша клешами, дождь метался по перрону.
Ушёл, шатаясь, в ночь заплаканный вагон.
И город из руин размокшего картона
сползал к реке, блестя слюдой пустых окон.
И каждое авто – шальной шипящий глассер.
Злораден и гортан лай водосточных труб.
И гаснет в зыби волн бег беспризорных листьев,
соломенно-светло сиявших поутру.
И заперты дворы, и никуда не деться,
и ветром и водой зонт смят и побеждён,
и золотистый шар – большим пушистым сердцем –
висит под фонарём, зачёркнутый дождем.

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

В ночном саду так знобко и тревожно,
Дождём и тьмой придавлена листва.
В траве крадётся ветер осторожно,
Как чья-то одинокая душа.

Давай, дружок, присядем на порожке,
Ты так легко уходишь от меня...
Сияет зыбка лунная дорожка,
И вдалеке бубенчики звенят.

Устал от заполошной, непонятной?
А может, недостаточно нежна?
Но, милый мой, дороги нет обратной:
Мы зелье выпили с тобой до дна!

ДИНКА И БАБУШКИ

Рассказ

– Баба Нюра приезжает, – сообщила как-то мама папе за ужином. – Звонила, обещала быть в воскресенье.

– Надолго? – поинтересовался папа.

– Недели на две, – сказала мама. – А может, и на три. Мост едет делать.

– Это хорошо! – обрадовался папа. – Хоть присмотрит немного за этим пиратом в юбке...

Динка на «пирата в юбке» не обиделась. Она буквально на днях пересмотрела все серии «Пиратов Карибского моря» и полагала, что пираты – ребята хоть и шутливые, но вовсе не

злые, а то, что они часто дерутся, так это не от злобы или вредности, а, как сказал Сева из сорок четвертой: «от тяги к острым ощущениям».

Что же касается приезда бабы Нюры, то Динка пока не знала, радоваться этому или нет. После ужина Динка ушла в свою комнату и стала думать.

Вообще, бабушек у Динки было три.

Первую бабушку – мамину маму, Тamarу Ивановну – и бабушкой-то, по большому счёту, назвать было нельзя: она носила джинсы, коротко стриглась и вела во Дворце спорта секцию фехтования.

Папину маму – бабушку Ольгу – Динка никогда не видела: та жила на Дальнем Востоке, на острове Сахалине, работала какой-то начальницей в морском порту и лишь время от времени, на праздники, присылала поздравительные открытки, в которых неизменно передавала привет «принцессе Диане».

Самой «правильной» бабушкой была баба Нюра – мама Тамары Ивановны. Баба Нюра с дедом Тарасом жили в деревне, километрах в ста от города, держали поросёнка, кур и козу Фросю. Дед Тарас на своих стареньких «жигулях» частенько навещал детей, всякий раз привозя из своей Сосновки каких-нибудь «экологически чистых» вкусностей: летом – клубнику-малину да огурчиков-помидорчиков, зимой – сала и домашней колбасы. Поэтому деда Тараса Динка знала хорошо, а вот бабу Нюру она совсем не помнила.

В гостях у бабы Нюры и деда Тараса, в Сосновке, Динка была только один раз – года три или четыре назад – и в памяти у неё от той поездки остались, собственно, только две вещи: та самая, бодливая коза Фрося, которую Динка очень боялась, да удивительно вкусные бабушкины блинчики, которые баба Нюра пекла на огромной чёрной чугунной сковородке. Блинчики у бабы Нюры получались что надо! Они были лоснящиеся, духмяные, ноздреватые и чуть-чуть пахли дымком. Их так прикольно было сворачивать в тоненькую трубочку, макать её в густую домашнюю сметану и потом, откусывая сметанный конец трубочки, жевать на полный рот.

И вот теперь баба Нюра приезжала в гости – «делать мост».

Динка, конечно, удивилась. Ну, во-первых, мостов в их городе и так было три, и Динка совершенно не понимала, зачем надо строить ещё один, четвёртый. И во-вторых, построить мост за две, ну, пусть даже и за три недели было делом совершенно нереальным. Вон, детскую площадку в соседнем дворе рабочие поломали ещё осенью, когда вздумали менять под ней трубы, и уже больше чем полгода не могли построить на её месте новую. А тут целый мост! Наверное, баба Нюра была каким-нибудь очень-очень выдающимся строителем. И Динка стала с нетерпением ждать бабушкиного приезда.

Баба Нюра оказалась большой – выше мамы и даже выше папы – и очень громогласной. Войдя, она, казалось, сразу же заполнила собой всю квартиру. У неё было широкое морщинистое лицо и большие загорелые кисти рук, торчащие из рукавов синей вязаной кофты. И голос у бабы Нюры оказался громким и зычным. «Командирский голос!» – с уважением подумала Динка. От этого голоса даже слегка позванивала посуда в буфете. И Динка как-то сразу поверила, что вот как раз баба Нюра и способна построить мост за три, а может даже, и за две недели. С таким-то ростом да с таким голосом! Динка сразу нарисовала себе картину, где баба Нюра, как полководец, стоит на

(продолжение на стр. 10)

(начало на стр. 9)

высоком берегу, над рекой, и без всякого мегафона командует большой стройкой; к берегу один за другим подъезжают доверху гружёные самосвалы, а множество рабочих и два огромных плавучих крана быстро-быстро возводят между берегами новый, удивительно красивый мост. От этих мыслей своих Динка поначалу даже немножко заробела и всё никак не осмеливалась подойти к бабе Нюре поздороваться. Но баба Нюра так ласково улыбнулась ей, так по-доброму протянула к ней свои большие руки, что вся Динкина робость сразу куда-то улетучилась и Динка смело подошла к бабушке и обняла её. Несмотря на свой командирский голос, Баба Нюра была мягкая и тёплая, и какая-то... уютная, что ли. И пахло от неё очень уютно – тем самым, немножко горьковатым, блинным дымком.

– Баба Нюра, – окончательно осмелев, спросила Динка, подняв к бабушке лицо, – а ты напечёшь мне своих блинчиков?

Баба Нюра даже прослезилась.

– Вон оно как! – поворачиваясь к Динкиным родителям, растроганно сказала она. – Ведь такая кроха была, а ведь всё помнит!.. Напеку, Диночка, напеку, внучечка, обязательно напеку! Вот завтра, прямо с утра, и напеку... – и, опять включив свой командирский голос, от которого тоненько запели буфетные рюмки, строго спросила у Динкиной мамы: – Оксанка, у тебя мука в доме-то есть?..

Проснувшись утром в понедельник, Динка сразу же почувствовала, что в квартире пахнет блинами. Она соскочила с кровати и побежала на кухню. И действительно, – баба Нюра, стоя у плиты, жарила блины. Правда, у мамы на кухне большой чугунной сковороды не оказалось, у неё была только маленькая тефлоновая, и блины от этого выходили маленькими и чуть бледноватыми, и сметана на столе была самая обыкновенная, магазинная, но блины у бабы Нюры всё равно получились очень вкусными. Динка слопала сразу семь штук и объелась так, что чуть доползла до дивана. Она думала, что наелась блинами надолго, но к вечеру ей блинов захотелось опять и она снова пошла к бабе Нюре.

– Конечно, напеку, внучечка, конечно! – вновь умилилась баба Нюра.

Так что во вторник на завтрак Динка опять лопала блины. По её просьбе баба Нюра пекла блины и в среду с утра, и в четверг. А вечером в четверг к Динке в комнату заглянула мама.

– Динка, ты чего хулиганишь? – почему-то шёпотом спросила мама, оглядываясь на дверь.

– Я? Хулиганю? – тоже шёпотом удивилась Динка.

– Ну да! – мама села рядом с ней на диван и стала тихонечко нашёптывать в ухо: – Ты ж бабу Нюру совсем загоняла. Ты думаешь, это так просто каждое утро блины печь? Это тебе не яичницу приготовить. Это ж тесто надо развести, разболтать, да каждый блинчик с двух сторон обжарить. А баба Нюра, она ведь уже старенькая. Это она с виду только грозная да шумливая. А так у неё и сердце часто прихватывает, и ноги болят – ей у плиты-то стоять тяжело. Так что, Динуль, ты прекращай бабу Нюру блинчиками тиранить. Она, конечно, вслух ничего не говорит, но я-то вижу – тяжело ей. Да и вообще, для нас, для женщин, мучного есть много вредно – от мучного толстеют. Ты ж не хочешь стать толстой, как бегемот?

– А что, разве бегемоты едят блины? – удивилась Динка.

– Нет, бегемоты блины не едят, – терпеливо сказала мама, – но те, кто ест много блинов, становятся похожими на бегемотов. Поняла?

Динка кивнула.

– Ну что, договорились мы с тобой? Не станешь больше бабу Нюру блинами напрягать?

– Не стану, – сказала Динка.

– Ну вот и хорошо! – обрадовалась мама. – Я знала, что ты у меня умница.

Она чмокнула Динку в нос и ушла. А через пять минут в комнату заглянула баба Нюра.

– Диночка, внучечка, тебе что завтра на завтрак приготовить? Опять блинчики?

Динка вздохнула.

(продолжение на стр. 11)

– Нет, баба Нюра. Не надо блинчиков. Спасибо.
– А что так? Аль наелась блинчиками?
– Наелась, баба Нюра, – грустно сказала Динка.
– Ну и хорошо! – заулыбалась баба Нюра. – И хорошо!.. А чего тебе тогда? Чего хочешь? Кашки, может, какой сварить? Аль яишенки пожарить?
Динка думала, наверное, целую минуту.
– Вот что, баба Нюра, – наконец сказала она, – сделай ты мне завтра... оладушков.

Владимир Юринов, Андреаполь

Рисунок Ирины Старомужевой; Новосёлки, Жарковский район

• Мы и природа

БЕЛОЧКА

И снова здравствуй, лес. И снова просьба о дарах. И снова брожу по светлому бору, собирая чудесные белые грибочки.

Идет грибной сезон. Благодатное время для любого грибника! Лес, не скупясь, отдает свои дары. Радостно на душе!

То тут, то там торчат темные шляпки боровичков. Красота!

Бреду тихо, посматривая по сторонам. Незаметно подхожу к берегу реки. Берег крутой, внизу перекатами плещет Западная Двина, неся свои воды далеко-далеко от местечка под названием Графский пляж. Откуда произошло такое название "Графский", не знаю, так называют его в народе.

Стою, любуюсь, как течет река. На противоположном берегу замечательный пейзаж! Где-то там слышатся голоса и чуть приглушенный гул машин (недалеко дорога).

Решаю спуститься к воде и тут вижу красивый белый грибочек под крутым берегом, а рядом еще один. Какая удача!

Только собралась срезать свои чудесные находки, как услышала сверху какой-то шум и подняла голову. Высоко на сосне сидела белочка!

Я достала мобильник и включила камеру. Зверек спрятался за стволом, но я продолжала снимать.

Шустрая красавица перепрыгнула на другое дерево, а я, не удержавшись, полетела вниз.... Так завершилась моя работа оператора.

Но на этом не закончились встречи с пушистой зверушкой. Почти всегда, когда приходила на это место, я видела её. Оставляла ей гостинцы: печенюшки, семечки и яблоки. Не знаю, угощалась ли она ими, или, может быть, лесные птицы вроде моего пернатого друга делили с ней трапезу, только в другой раз ничего из оставленного не находила...

Так и жила проворная белочка на Графском весь ягодно-грибной сезон, радуя людей своим появлением. Многие андреапольцы приезжали туда отдохнуть, искупаться. Приезжали вместе с детьми. И появление пушистой красавицы вызывало у детишек неописуемый восторг

...В очередной раз я оказалась в том месте, когда пошли осенние грибочки, называемые в народе "лисками", "зеленушками", "сластенками". Растут они кучечками.

И вот, уже была набрана большая корзина, я шла по дороге к тому самому Графскому пляжу.

В тот день моросил мелкий дождик, стекла очков запотевали и приходилось часто их протирать.

Метрах в десяти от дороги увидела что-то серенькое, решив, что это грибочки, подошла....Каково же было мое недоумение, когда вместо грибов я увидела на земле мертвого зверька. На голове виднелись дырочки от пулек или от дробы!

Слезы потекли сами. Кому понадобилось убить белочку, не знаю, Знаю одно, что это был не охотник. Последний взял бы добычу. А тот, кто убил, просто бездушный циник. Видно, правду говорят: в семье не без урода! Пусть его осудит жизнь.

...Никогда еще не выходила я из леса с таким тяжелым сердцем. Этот день завершил мой грибной сезон, оставив горький отпечаток от увиденного.

Прощай, лес мой дорогой. И прости.

Нина Шандаевская, Андреаполь

• **Вспомнилось***Моя незабываемая физра*

В школьном дневнике этот предмет все записывали так: ФИЗ-РА. Да и общаясь между собой, ребята не утруждали себя называть урок полным его именем. Кто-то с удовольствием бежал на физру, чтобы размяться, побегать и попрыгать. Иные, в том числе и я, были рады любому предлогу увильнуть от физических упражнений. Ну и сами посудите, пристало ли тринадцатилетней девице беспомощно болтаться на канате над толпой хихикающих одноклассников (девочки и мальчики занимались в то время вместе): чтобы взобраться вверх, никаких сил девчоночьим рукам не хватало... Но лазанье по канату- это ещё куда ни шло, а вот такой спортивный снаряд как «конь» внушал особенно серьёзные опасения. Говоря попросту, я его смертельно боялась и ненавидела. Неумолимый преподаватель с раскрытой тетрадкой, куда он проставлял наши спортивные результаты; строй мальчишек, а среди них тот, по которому обмирало девичье сердце, – и ты – один на один с монстром о четырёх ногах. Больно шлёпнувшись с разбегу на середину кожаной «лошадиной» спины, оставалось только признать своё очередное поражение перед ним.... В тетрадке учитель ставил минус, что означало: нужно снова проделать унижительную процедуру на глазах у хихикающих одноклассников.

Но, собственно, я не об этом. А о том, что до сих пор считаю провидением. С окончанием школы спортивные испытания не закончились. Потому что в университетское расписание тоже входила физра. Чтобы получить зачёт по физкультуре, а значит- допуск к зимней сессии, нужно было преуспеть в ходьбе на лыжах, то бишь уложиться в норматив. Для будущих филологов в основной своей массе такое совершить непросто. Но куда денешься!? В тот солнечный и морозный день мы, студенты, с лыжами наперевес, отправились за город. В предчувствии беды великая печаль наполнила мою душу, и я всё дорогу молча молила: помоги мне, не оставь, сделай так, чтобы всё закончилось хорошо!

Маршрут был определён, старт дан – и вперёд! Не знаю почему, но вскоре я осталась на лыжне одна: то ли меня все обогнали, то ли я заблудилась... Дыхание пресекалось, грудь сдавило, и я уже готова была опуститься на снег и, махнув на всё рукой, хоть немного передохнуть... И вдруг взгляд упал на слабый след лыжни, он вёл через лесную поляну и терялся в зарослях на другой стороне. Словно кто шепнул: иди по ней! Собрав последние силы, поднялась – и покатила через поляну. Долго ли коротко шла, но скоро под лыжами появилась чёткая и накатанная лыжня. А через несколько минут услышала громкие призывные голоса. Люди махали руками и радостно что-то кричали. Я невольно прибавила скорость, и вот уже меня обнимают сокурсники. Ушам своим не верю: я пришла вторая с отличным результатом по времени! Вы не поверите, но до меня не сразу дошло, каким образом я смогла достичь невозможного. Уже потом, когда пришла в себя и одумалась, поняла, что не ведая о том, почти вдвое сократила себе лыжный маршрут и вышла аккуратно на финишную прямую.

Поскольку олимпийское серебро и золото мне не вручали, а просто-напросто поставили зачёт, я никому не стала говорить освоен «зигзаге удачи». Но то, что моя мольба не осталась безответной, до сих пор волнует и радует.

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

• Судьба уже раскачивает время
Маргарита Петрова,
 Андреаполь

* * *

Едва с постели – сразу же к окну,
 Хочу себя порадовать погодой,
 Но вижу там другое время года,
 Лишь только занавеску колыхну.

Январь к концу – а в окна нудный дождь.
 Захочется с природою заплакать.
 Быть может, прекратится эта слякоть,
 Когда сама водою изойдешь.

И зашуршишь иссохнувшим листом,
 И загорчишь рябиновою гроздью.
 Глядишь, а к вечерку уже полозья
 По свежему снежку скрипят. Синдром

Пустого ожидания исчез.
 И ты уже не горькая рябина,
 И в непогоде вовсе неповинна.
 Опять пора – судьбе наперерез.

Наталья Иванова,
 Пено

Чернеют листья во дворе,
 Скучают лыжи.
 Мы звали зиму в декабре –
 Не слышит!

В пушистых валенках вразнос
 Идёт по лужам.
 А говорят, грядёт мороз
 И стужа!

На бурых выцветших коврах
 С зимою в игры
 Играет осень во дворах –
 Не выгнать!

Что слякоть ей, что гололёд –
 Бредёт босая.
 Промокший численник не рвёт –
 Листает.

С утра кидал свирепый шквал
 Снежинок стаи.
 Снег полежал и убежал –
 Растаял.

Уже в калошах Новый год
 Стоит у двери.
 А говорят, зима придёт!
 Не верю.

Светлана Большенкова,
 Нелидово

ЗИМЕ

Что ж не торопишься прийти,
 Тоску развеять и ненастье?
 Свернула с верного пути,
 Да заплутала в одночасье?
 Иль не найти поводыря,
 Что снова вывел на дорогу?..
 В силках из черных туч заря.
 Она спешила на подмогу.
 Дай знать, куда ты забрела.
 В каких краях, какая сила
 Твои снега в полон взяла,
 А ты пощады не просила?
 Или всё просто, без затей,
 Как прима русская вальяжна,
 На поводу дурных страстей
 Коктейли тянешь в баре пляжном?

Александр Коган,
 Бежецк

РАСКАЧИВАЯСЬ

Кто говорит, что на дворе зима?
 На свете сразу и весна, и осень.
 Бродяга-климат в никуда отброшен,
 Природа-мать давно сошла с ума.

Не наступила, проявилась грань,
 Судьба уже раскачивает время,
 Увлечены болезненно экстримом,
 Желаем страстно заглянуть за край.

Быть может, это вовсе и не мы,
 Утрачены былые наши души,
 На небесах непобедимый ужас,
 И бесполезны яркие умы.

Светлана Виноградова,
 Нелидово

ДОЖДЬ В ДЕКАБРЕ

Безотрадная картина:
 Серый дождик моросит.
 Третий день как ломит спину,
 И головушка болит.

Мокрой лапой машет ёлка,
 Под ногою лист шуршит.
 Света – старая кошёлка –
 По дорожке семенит.

Ах, какие раньше зимы
 Были – думает она.
 И представить не могли мы:
 Уж декабрь – а ни хрена!

Рассказ**ДОЖДЬ**

С погодой как всегда "угадали" – сыро, холодно, колючие сухие иголки низкорослых болотных сосен прилипают к щекам.

Морщусь, плююсь, при каждом шаге вытаскивая сапоги из раскисшего торфа. До "острова" еще с километр, там можно будет упасть, хоть на сырую, но твердую почву.

Опираюсь на кривое деревце – сразу осыпает ливнем холодных мелких капель. Кажется, они еще холоднее тех, что непрерывным потоком падают сверху. Мне уже все равно, я давно промок насквозь от пота и этой противной мороси. Ужасно хочется пить. Нагибаюсь и набираю горсть черной безвкусной пикши. Жую, плюю и бреду дальше, стараясь догнать напарника. Он, вероятно, тоже устал, но гордый не остановиться, не обернется.

Остров. Рюкзак глухо падает на подстилку хвои. Плюхаюсь на валежину рядом с приятелем.

Достаем сигареты, молча закуриваем, пряча их в ладонях. Огонек приятно греет руку. Все понятно без слов: "попали". Снимаю подшлемник, слушаю. Лес молчит. Только свист ветра в верхушках и шелест падающих капель. Это плохо для нас. Очень плохо. Значит, дождь скоро не кончиться.

До воды еще километра два. Опаздываем. Опаздываем хронически, а это значит, что засветло не успеем раскинуть снасти, и ночь пропадет зря. Мы ловим ночью. День так, для отдыха, лагерных работ и прочего баловства.

Сказать что пришли – значит соврать. Донесло скорее по инерции. Ветром помогло. Последний участок болота за островом сожрал все силы. Падаем у воды. Волна в берег. У берега муть. Сверху рваные тучи. Вся ночь пройдет на ветру с дождем. Нет сил даже злиться.

Вытряхиваю на землю из рюкзака свое добро. Плащ, снасти, лампу, топор, "коногонку", вот в принципе и все. Чай, соль, сахар, четыре буханки хлеба, два кило соленого сала – у друга. Это прокорм на двое суток. Хватит вполне, и еще останется. Не жрать же сюда приперлись "за тысячу километров". Водку и консервы не берем. Кто знает, что там намешано? Случалось.

Друг "дует" лодку. Я воюю с паяльной лампой. Чай. Только горячий чай сейчас спасет. Можно забыть топор или нож, но лампу нельзя – в такую погоду она спасенье. Не лень ее тащить, зная, что быстрый огонь всегда будет.

Стемнело. Успели выкинуть сети и завести "резинки". Сижу, смотрю на пляшущие на ветру "колдуны". У берега "обратка" затягивает леску в тростник. "Кашу" кинуть не успели. Надеяться можно лишь на поклевку проходного "придурка" и только на полную вытяжку. Иначе при таком ветре не заметишь.

Половинка "ракушки" бьется у берега, сверкая в свете фонаря потершим перламутром. Голодная пиявка заглатывает половинки брошенных червей. Где-то в лесу заунывно скрипит дерево. Два ночи. Достало. Ухожу к костру.

Огня почти нет. Дым крутит. Щиплет горло и режет глаза. Но тут уютней все равно. Заворачиваюсь в плащ армейской химзащиты и пытаюсь "отбиться". Подкатываю под голову чурбак и валюсь в мокрую хвою. Плащ, ватники и фуфайка, сапоги на размер больше – стандартная "форма" хоть летом, хоть зимой. Мокрое все насквозь, а тепло еще держит. Знаю – это ненадолго. Через час, без движенья, будет полный "дубак". Но мне нужен это час. Устал. Представляю себя в теплой домашней постели.

Закрываю глаза. Не помогает. Мерзнут руки. Струйка воды, скопившаяся где то в складках плаща, вдруг выливается на лицо. Дым достает и тут, хотя лежу спиной к костру. В сапоге нож жмет на "косточку". По-другому его никак. Пока расстегнешь плащ, откинешь полу, нащупаешь... И я уже подпоясан батареей шахтерского фонаря. В сапоге нож под рукой. Откуда-то изнутри подкатывает злость. На все. На погоду, на рыбу, на себя, за то, что приперся, на друга. Холодно. Шевелиться не хочется. Решаю, что через полчаса плюну на все и накроюсь лодкой. До утра.

Напарник "выпал в осадок" часом раньше. Спит на "лежке". Не поленился вырубить четыре

(продолжение на стр.15)

(начало на стр.14)

жердины. Я так – только зимой. Что ж поделать, он любит комфорт.

Замерзаю еще сильнее. Слышу, как встает приятель, шуршит в рюкзаке. Подходит, бьет по ногам, приглашая к столу. Поднимаюсь нехотя. Завожу лампу, ставлю чай. Сейчас оживем.

Все также крутит дым, сыплет мелкий дождь, и шипят угли, но в руках уже горячие кружки с крепким, сладким чаем. Протягиваю одну приятелю. Он сидит на своих жердях и режет на бревне сало. Кладет рядом с собой нож, нагибается ко мне и протягивает руку. Недостает. Нагибается еще. Жердинка под ним крутится, и нож падает рукоятью в образовавшуюся щель. Длинное лезвие охотничьего ножа блестит в свете моей лампы. Рукоять уперлась в землю, лезвие смотрит вверх. Уже знаю, что сейчас будет, и понимаю, что сказать ничего не успею. Напарник опускает руку и пытается приподняться, опершись на жерди.

Шипенье сквозь зубы. Моя и его ругань. Нож пробил ладонь насквозь. Приятель подносит руку к лицу, рассматривая рану. Морщиться от боли. Медленно вытягивает нож. Матерится. Пытаюсь его остановить. Поздно. Кровь хлещет на бревно, на сало, смешивается с дождем и темной струйкой течет за рукав. Руки у него тоже замерзли. Сосуды не эластичны, им не сжаться. Кровь быстро не остановишь. Ору, чтоб прижал руку к бревну, а другой накрыл сверху. Не помогает. Больно ему. Лихорадочно соображаю, чем замотать рану. Аптечка как всегда осталась в машине. До нее пять километров. На мне фуфайка, свитер, фланелевая рубашка. Ничего подходящего. Мечусь между напарником и накрытой лодкой вещами.

Осенило. Срываю плащ. Скидываю одежду. "Как же холодно, мать ее", – ежусь. Отрезаю у рубашки рукав, надрежаю, рву на полосы. Бросаюсь к рюкзаку. Ломаю буханку, выбираю из нее мякиш. Усиленно разминаю, пока не получилось нечто вроде рыхлого теста. Двумя большими лепешками накрываю с двух сторон рану и мотаю сверху рубаху. "Ну и культя", – проносится мысль. Разобрал смех. Друг орет, чтоб не ржал, а мотал аккуратнее. Я замерз окончательно. Остывшую рубаху уже не надеть. Поливаю ее горячим чаем и как-то натягиваю. Укутался. Пью чай, уже вторую кружку. Приятель греет руку за пазухой, другой мешает сахар. Рана сильно разболелась. Терпит. Понимает, что помочь, кроме как "жердиной по голове", нечем.

Сыплет дождь. Бьет в берег волна. Где-то в лесу скрипит дерево. Молчим. Знаю, что думаем об одном и том же. Как остаться? Как обмануть себя и остаться еще на ночь, в этом промокшем лесу, на этом проклятом дожде. Остаться, чтоб только увидеть, как вздрогнет от поклевки "колдун". Как медленно опустится, а потом плавно пойдет вверх. Мечты.

Лежим. Молчим. Курим. Думаем об одном и том же. Скрытые во тьме шумят верхушки елей. Шуршат падающие капли. Где-то там мокнет болото, по которому ползти завтра. Завтра и в следующие выходные.

Иван Кирпичёв, Нелидово

• Реплика зануды

НАСТУПАЕТ ЭРА ЯСНОВИДЯЩИХ

На чём основано это утверждение? На очевидной массовости этого до сих пор небесспорного явления. В середине второго тысячелетия случаи ясновидения были единичными. Наиболее ярким представителем этого периода был Нострадамус. Но и его предсказания были столь неопределёнными, что их можно привязать к множеству событий в любой стране и толковать как угодно. Что позволяет считать его не столько ясновидящим, сколько ловким мошенником. В сороковых годах 20-го века славился ясновидением Вольф Мессинг. Во второй половине 20-го века в ясновидении царствовала несравненная Ванга, ляпы которой (например, утверждение, что погибшие в Югославии российские журналисты живы и скоро объявятся) просто не принимались во внимание.

Сейчас ясновидящих только в одной России тысячи, если не десятки тысяч. Каждый второй наглый и не обременённый совестью мошенник объявляет себя ясновидящим (экстрасенсом) и начинает облапошивать простодушных и доверчивых граждан.

Но сегодня в 9-часовом выпуске новостей телеканал «Россия-24» продемонстрировал абсолютно достоверный случай ясновидения: в прямом эфире комментатор игры хоккейных команд «Ночной лиги» с участием президента России за две секунды до события объявил, что шайбу забил Владимир Путин. То есть, комментатор пусть всего на несколько секунд вперёд заглянул в будущее и увидел, что вратарь не отразил бросок Владимира Владимировича.

И значит, эра ясновидящих действительно началась! С чем всех и поздравляю.

Александр Мальчуков, Андреаполь

- Весёлый конкурс:

«Отъищи свою траву»

**Людмила Леоненкова
И ЛЕКАРСТВО, И ЦВЕТОК**

Без петрушки скучен стол,
Без картошки – скуден.
Есть с картошкой хорошо
Колбасу и студень.
Покрошу ее в салат,
В пироги добавлю –
Муж еде такой мой рад –
Это очень славно.
Без картошки я сама
Не сажусь обедать –
Украшение стола
Всех прошу отведать.
Суп картофельный густой
Наливаю в миски.
Даже нашей озорной
Он по вкусу киске.
А воздушное пюре –
Просто совершенство.
С рыбным жареным филе –
Райское блаженство.
Пышных драников гора,
Да с густой сметаной.
Встанет к завтраку семья
Утром нынче рано.
Из картофеля, друзья,
Можно приготовить,
Много всякого добра –
Лишь заняться стоит.
Можно чипсы, можно суп,
Запеканки, зразы.
Перечислить уйму блюд
Невозможно сразу.
Кофе, масло, шоколад,
И крахмал и дрожжи,
Хлеб, вино и даже яд,
Приготовить можно.
Можно даже торт испечь
Из простой картошки .
Только чтоб не растолстеть,
Ешьте понемножку.
Углеводы и белок –
Все это картошка.
И лекарство, и цветок,
Витаминов россыпь:
Никотинка, тиамин,
Фосфор, магний, калий,
С, лизин, рибофлавин,
Плюс железо, кальций.

Граммов сто за день всего
Суточная норма.
И всего-то ничего,
А какая польза!
Лечит язву нежный сок,
Почки, сердце, нервы,
При отеках рук и ног
Он помощник первый.
При давлении большом,
При гипертонии
Пей опять его же сок,
Ешь его в «мундире».
Если просто потереть
С кожурой картошку,
На огне чуть подогреть –
Подержать немножко –
Можно вылечить хондроз
Даже застарелый.
Нет, не зря картофель рос –
Пригодился в дело!

- Улыбнись

Светлана Большенкова

* * *

В дождях утонула моя деревенька.
Под мокрыми крышами прячется грусть.
И солнышка нету, и небо низенько.
Вон лыжи стоят, а зимы не дождусь.

А снега так хочется белого-белого.
Белее фаты под венцом у невест.
Но глядяк по полю я рукою умелою.
Когда же синоптикам врать надоест?

Декабрь на дворе. А сквозь дыры озонные
На головы наши (что думает власть?!)
То кризис, то льются дожди несезонные.
А может быть, крикнуть нам громкое: «Слазь

Долой демократов! Даёшь Вседержителя!».
Хочу, чтоб всё было, как прежде. Как встарь.
Зимою – зима со времён прародителя,
А на небе Бог, в Белокаменной – царь.

Чтоб летом в трусах, и весной по погоде.
Хочу ни свиней не бояться, ни птиц.
И чтоб мужики сообразно природе
Не геев любили, а баб и девиц.

В дождях утонула моя деревенька.
Под мокрыми крышами прячется грусть.
И мне не звонит мой редактор давненько.
Пойду-ка с Григоричем я наберусь.